

Владимир
ВЫСОЦКИЙ

Владимир
ВЫСОЦКИЙ

**Если друг
оказался вдруг...**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В93

Высоцкий, Владимир Семенович.
В93 Если друг оказался вдруг... : [сборник] / Владимир
Высоцкий. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-17-120428-0 (С.: Русская классика)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн Р. Алеева

ISBN 978-5-17-121003-8 (С.: Лучшая мировая классика)

Серийное оформление и дизайн обложки В. Воронина

В этот сборник вошли произведения Высоцкого, относящиеся к самым разным темам, стилям и направлениям его многогранного творчества: от язвительных сатир на безобразие реального мира до колоритных стилизаций под «блатной фольклор», от надрывной военной лирики до раздирающей душу лирики любовной.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© В.С. Высоцкий, наследники, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Песни 1960—1966 годов

СОРОК ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

Суров же ты, климат охотский, —
Уже третий день ураган.
Встает у руля сам Крючковский,
На отдых — Федотов Иван.

Стихия реветь продолжала —
И Тихий шумел океан.
Зиганшин стоял у штурвала
И глаз ни на миг не смыкал.

Суровой, ужасней лишения,
Ни лодки не видно, ни зги, —
И принято было решение —
И начали есть сапоги.

Последнюю съели картошку,
Взглянули друг другу в глаза...
Когда ел Поплавский гармошку,
Крутая скатилась слеза.

Доедена банка консервов
И суп из картошки одной, —
Все меньше здоровья и нервов,
Все больше желанье домой.

Сердца продолжали работу,
Но реже становится стук,
Спокойный, но слабый Федотов
Глотал предпоследний каблук.

Лежали все четверо в лежку,
Ни лодки, ни крошки вокруг,
Зиганшин скрутил козью ножку
Слабевшими пальцами рук.

На службе он воин заправский,
И штурман заправский он тут.
Зиганшин, Крючковский, Поплавский
Под палубой песни поют.

Зиганшин крепился, держался,
Бодрил, сам был бледный, как тень,
И то, что сказать собирался,
Сказал лишь на следующий день.

«Друзья!..» Через час: «Дорогие!..»
«Ребята! — Еще через час. —
Ведь нас не сломила стихия,
Так голод ли сломит ли нас!

Забудем про пищу — чего там! —
А вспомним про наших солдат...»
«Узнать бы, — стал бредить Федотов, —
Что у нас в части едят».

И вдруг: не мираж ли, не миф ли —
Какое-то судно идет!
К биноклю все сразу приникли,
А с судна летит вертолет.

...Окончены все переплеты —
Вновь служат, — что, взял, океан?! —
Крючковский, Поплавский, Федотов,
А с ними Зиганшин Асхан.

1960

ТАТУИРОВКА

Не делили мы тебя и не ласкали
А что любили — так это позади, —
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Алеша выколол твой образ на груди.

И в тот день, когда прощались на вокзале,
Я тебя до гроба помнить обещал, —
Я сказал: «Я не забуду в жизни Вали!»
«А я — тем более!» — мне Леша отвечал.

А теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней — попробуй разбери:
У него — твой профиль выколот снаружи,
А у меня — душа исколота внутри.

И когда мне так уж тошно, хоть на плаху, —
Пусть слова мои тебя не оскорбят, —
Я прошу, чтоб Леха расстегнул рубаху,
И гляжу, гляжу часами на тебя.

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Лешы
И на грудь мою твой профиль наколол.

Знаю я, своих друзей чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее оттого,
Что моя — верней твоя — татуировка
Много лучше и красивей, чем его!

1961

* * *

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию-имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.

В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Свой человек я был у скокарей,
Свой человек — у щипачей, —
И гражданин начальник Токарев
Из-за меня не спал ночей.

Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел, —
Но кто-то там однажды скурвился, ссучился —
Шепнул, навел — и я сгорел.

Начальник вел себя не въедливо,
Но на допросы вызывал, —
А я всегда ему приветливо
И очень скромно отвечал:

«Не брал я на душу покойников
И не испытывал судьбу, —
И я, начальник, спал покойненько,
И весь ваш МУР видал в гробу!»

И дело не было отложено
И огласили приговор, —
И дали все, что мне положено,
Плюс пять мне сделал прокурор.

Мой адвокат хотел по совести
За мой такой веселый нрав, —
А прокурор просил всей строгости —
И был, по-моему, неправ.

С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект, —
Зачем же быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет!

1962

* * *

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Так люблю я стоять у дороги —
Запоздалых прохожих пугать!

«Гражданин, разрешите папироску!»
«Не курю. Извините, пока!»
И тогда я так просто, без спросу
Отбираю у дяди бока.

Сделав вид, что уж все позабыто,
Отбежав на полсотни шагов,
Обзовет меня дядя бандитом,
Хулиганом — и будет таков.

Но если женщину я повстречаю —
У нее не прошу закурить,
А спокойно ей так намекаю,
Что ей некуда больше спешить...

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Так люблю я стоять на дороге!..
Только лучше б мне баб не встречать!

1963

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУНЫ

У меня гитара есть — расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!

Я заруюсь в землю, сгину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею — и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду —
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...

1962

ТОТ, КТО РАНЬШЕ С НЕЮ БЫЛ

В тот вечер я не пил, не пел —
Я на нее всю глядел,
    Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
    Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, —
Он мне грубил, он мне грозил.
    А я все помню — я был не пьяный.
Когда ж я уходить решил,
Она сказала: «Не спеши!»
Она сказала: «Не спеши,
    Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл, —
    И как-то в осень, и как-то в осень —
Иду с дружкой, гляжу — стоят, —
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд —
    Их было восемь.

Со мною — нож, решил я: что ж.
Меня так просто не возьмешь, —
    Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,
Ударил первым я тогда,

Ударил первым я тогда —
Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, —
Он эту кашу заварил
Вполне серьезно, вполне серьезно.
Мне кто-то на плечи повис, —
Валюха крикнул: «Берегись!»
Валюха крикнул: «Берегись!» —
Но было поздно.

За восемь бед — один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек.
Он мне сказал: «Держись, браток!»
Он мне сказал: «Держись, браток!» —
И я держался.

Разлука мигом пронеслась,
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, ее — прощаю.
Ее, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Не извиняю.

Ее, конечно, я простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Я повстречаю!

* * *

У тебя глаза — как нож:
Если прямо ты взглянешь —
Я забываю, кто я есть и где мой дом;
А если косо ты взглянешь —
Как по сердцу полоснешь
Ты холодным, острым серым тесаком.

Я здоров — к чему скрывать, —
Я пятаки могу ломать,
А недавно головой быка убил, —
Но с тобой жизнь коротать —
Не подковы разгибать,
А прибить тебя — морально нету сил.

Вспомни, было ль, хоть разок,
Чтоб я из дому убег, —
Ну когда же надоест тебе гулять!
С грабежу я прихожу —
Язык за спину завожу
И бегу тебя по городу шукать.

Я все ноги исходил —
Велосипед себе купил,
Чтоб в страданиях облегчения была, —
Но налетел на самосвал —
К Склифосовскому попал, —
Навестить меня ты даже не пришла.

И хирург — седой старик —
Он весь обмяк и как-то сник:
Он шесть суток мою рану зашивал!

А когда кончился наркоз,
Стало больно мне до слез:
Для кого ж своей я жизнью рисковал!

Ты не радуйся, змея, —
Скоро выпишут меня —
Отомщу тебе тогда без всяких схем:
Я тебе точно говорю,
Востру бритву наострю —
И обрею тебя наголо совсем!

1961